
THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

1829.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ъ типографіи департамента народнаго просвѣщенія.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 26 Февраля 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

- Göthe.

I.

ДАМОНЪ.

(*Идиллія.*)

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И западъ, сліянный съ краями далекими моря,
Готовый блестящаго Бога принять, загорался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пастушьи свирѣли;
По холмамъ, долинамъ бѣжали стада и шумѣли;
Въ прохладѣ и блескѣ катилися воды Алфея.

Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ, добродѣтельный старецъ,
Изъ хижины вышелъ и сѣлъ у дверей на порогѣ.

Ужъ семьдесять разъ онъ первыми розами лиру
И длинныя кудри свои украшалъ, воспѣвая
На праздникѣ пышномъ весны и веселье и младость:
А въ юности зрѣлой Камены его полюбили.
Но старость, лишивъ его силъ, убѣливъ ему кудри,
Отнять унего не могла вдохновеннаго дара
И свѣтлой веселости: ихъ добродѣтель хранила.
И старецъ улыбкой и взоромъ привѣтливымъ встрѣтилъ
Отвсюду бѣгущихъ къ нему пастуховъ и пастушекъ.
Любезный Дамонъ, нашъ пѣвецъ, добродѣтельный старецъ!
Намъ пѣсню ты спой, веселую пѣсню: кричали.
Мы любимъ, послѣ трудовъ и полдневнаго жара,
Въ тѣни близь тебя отдыхать подъ веселыя пѣсни.
Не самъ ли ты пѣлъ, что внушенныя музами пѣсни
На сердце больное, усталое вѣютъ прохладой,
Которая слаще прохлады, изъ урны Алфея
Съ разсвѣтомъ лiющейся, слаще прохлады, лилеямъ
Свѣжесть дающей росы, и вина вѣковаго,
Въ амфорахъ хранимаго дѣдами, внукамъ на радость?

Что, добрый? Не такъ ли ты пѣлъ намъ? Дамонъ
улыбнулся.
Онъ съ юности ранней до поздняго вечера жизни
Ни въ чемъ не отказывалъ дѣвамъ и юношамъ милымъ.
И какъ отказать? Убѣдительны, сладки ихъ просьбы:
Въ прекрасныхъ устахъ и улыбка и рѣчи прекрасны:
Взглянулъ онъ на Хлою, перстомъ погрозилъ ей и
молвилъ:
Смотри, чтобъ не плакать! и ты попадешь въ мою
пѣсню.
Взялъ лиру, задумался, къ солнцу лицемъ обратился,
Ударилъ по струнамъ и началъ хвалою безсмертнымъ:

«Прекрасенъ твой даръ, Аполлонъ, вдохновенныя
мысли!
Кого ты полюбишь, къ тому и рано и поздно
Въ смиренную хижину любятъ слетаться Камены.
О Эрмій, возвышенъ твой даръ: убѣдительность
рѣчи!
Ты двигаешь силою слова и разумъ и душу.
Какъ вашихъ даровъ не хвалить, о Гименъ, о Паллада!

Что бѣдную жизнь услаждаетъ? Подруга и мудрость.
Но выше, безцѣннѣй всего, Эротъ и Киприда,
Даяніе ваше: красою цвѣтущая младость!
Красивы тюльпанъ и гвоздика и макъ пурпуровый,
Ясминъ и лилея красивы: но краше ихъ роза;
Пріятны крылатыхъ пѣвцовъ сладкозвучныя пѣсни:
Пріятнѣй полночное пѣнье твое, Филомела!
Всѣ ваши прекрасны дары, о безсмертные боги!
Прекраснѣе всѣхъ красотою цвѣтущая младость:
Прекраснѣй, проходчивѣй всѣхъ. Пастухи и пастушки!
Любовь съ красотою не жители: гости земные,
Блестятъ какъ роса, какъ роса и взлетаютъ на небо.
А тщетны безъ нихъ намъ и мудрость и даръ убѣжденья!
Крылатыхъ гостей не приклличешь и лирой Орфея!
Всѣ, други, вы скажете скоро, какъ дѣдъ говоритъ вашъ:
Бывало, любили меня, а нынче не любятъ!
Да вотъ и вчера.... Что краснѣешь ты, Хлоя? взгляните,
Взгляните на щеки ея: какъ шиповникъ алѣютъ!

Глядите: по нимъ двѣ росинки, блестя покатились!
Не вправду ль тебѣ говорилъ я: смотри чтобъ не плакать!
И ты попадешь въ мою пѣсню: сказалъ, и исполню.»

И всѣ оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась къ подругѣ,
И шопотъ веселый и шумъ въ пастухахъ пробудила.
Дамонъ, улыбаясь, на шумъ ихъ и шопотъ веселый,
Громчей заигралъ и запѣлъ веселѣй и быстрѣе:

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, гдѣ Нимфы,
Игривыя дщери Алфея и ближнихъ потоковъ,
Разчесывать кудри зеленыя любятъ сходиться
И вторить со смѣхомъ и пѣснямъ и клятвамъ любовнымъ,
Тамъ встрѣтилъ я Хлою. Старинушка добрый, спой пѣсню:
Она мнѣ сказала: съ охотой, пастушка, съ охотой!
Но даромъ я пѣсень не пѣлъ никогда для пастушекъ;
Сперва подари что нибудь: я спою. Что могу я

Тебѣ подарить? Вотъ вѣнокъ я сплела! О, прекрасенъ,
Красиво сплетенъ твой вѣнокъ: но вѣнка мнѣ не надо.
Свирѣлку возьми! Мнѣ свирѣлку! красавица? самъ я
Искусно клѣю ихъ воскомъ душистымъ. Такъ что же
Тебѣ подарю я? Возьмешь ли корзинку? мнѣ нынче
Ее подарилъ мой отецъ: а ты знаешь,—корзинки
Плететъ онъ прекрасно. Но, дѣдушка, что же молчишь ты?
Зачѣмъ головой ты качаешь? Иль этого мало?
Возьми же въ придачу ты овцу любую! Шалунья,
Шалунья, не знать въ твои годы, чѣмъ платятъ за пѣсни!
Чего же тебѣ? Поцѣлуя. Чего? Поцѣлуя.
Какъ, этой бездѣлицы? Ахъ, за нее бы я отдалъ
Не только вѣнокъ и свирѣлку, корзинку и овцу:
Себя самого! Поцѣлуй же! Ахъ, дѣдушка добрый!
Всѣ овцы мои разбѣжались; чтобъ волкъ ихъ не встрѣтилъ;
Прощай: побѣгу я за ними. Сказала, и мигомъ,

Какъ легкая серна, какъ Нимфа дубравная скрылась.
Взглянулъ я на кудри сѣдыя, взглянулъ и промолвилъ:
Цвѣтъ бѣлый пастушкамъ пріятенъ въ нарцисахъ,
въ лилеяхъ;
А бѣлыя кудри пастушкамъ не милы. Вотъ, други,
Вамъ пѣсня моя: весела ли, судите вы сами.»

Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона;
А Хлоя дала поцѣлуй (такъ хотѣли пастушки)
Сѣдому слагателю пѣсней игривыхъ и сладкихъ:
И радость блеснула во взорахъ пѣвца. Возвращаясь
Къ своимъ шалашамъ пастухи и пастушки: о боги,
Молились, пошлите вы намъ добродѣтель и му-
дрость!
Пусть весело встрѣтимъ мы старость, подобно
Дамону!
Пусть также безъ грусти, но съ тихой улыбкою
скажемъ:
Бывало любили меня, а ныньче не любятъ!

II.

ОТВѢТЪ.

Зачѣмъ на меня ты и глупость и злобу,
Плетневъ, вызываешь, нескромной хвалой?
Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
Простаго пѣвца?

Такъ, были мгновенья низпосланы Фебомъ:
Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселые, вторить
Любили друзья:

Я пѣлъ — но въ то время роскошная младость
Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ:
Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любови,
Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,
Мой взоръ прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любови,
И славы призракъ. —

Какъ слушалъ Лаертидъ, привязанный къ мачтѣ,
Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Сиренъ
И тщетно къ нимъ рвался — упрямыя верви
Держали его:

Такъ я, твоей лирой печально плѣняясь,
Вотще порываюсь къ святымъ высотамъ,
Знакомымъ бывало, и въ робкія струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній:
Мнѣ путь на родную страну возбраненъ
И гласъ мой подобенъ унылому гласу,
Жестокимъ стрѣлкомъ

Подстрѣленной птицы, когда завываютъ
Осенніе вѣтры и къ теплымъ странамъ
Веселою стаей при кликахъ несутся
Подруги ея.

III.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

Со мною мать прощалася
(Съ полкомъ я шелъ въ далекій край);
Весь день лила родимая
Потоки слезъ горючіе,
А вечеромъ свела меня
Къ сестрѣ своей кудесницѣ.
Въ дверь стукнула, нѣтъ отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучитъ, огонь сѣкутъ;
Въ окно глядимъ, тамъ свѣтится.
Вотъ въ третій разъ стучитъ, кричитъ:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,

Отопрешься ль? — Нѣтъ отзыва!
Мы часъ стоимъ, другой стоимъ:
А за дверью огонь горитъ,
Дрова трещатъ, котлы кипятъ,
Ворчатъ, поютъ не руское.
Но полночь бьетъ, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать, пождать, дверь скрыпнула,
Идетъ, поетъ кудесница:

« Туманъ, туманъ! Въ туманѣ свѣтъ!
То, дитятко, звѣзда твоя!
Туманъ тебѣ: не милый край;
Туманный свѣтъ: туманно жить.
Молись, молись! туманъ пройдетъ,
Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,
Привѣтнѣе, прилучнѣе! »

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску - печаль, злодѣйку - грусть;
Злодѣйка - грусть въ душѣ живетъ.
Такъ, старая кудесница,
Туманъ, туманъ не милый край!
Въ немъ тошно жить мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка,
Свѣти иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки
Привѣтныя, приличныя:
Глаза ль моей красавицы!

IV.

ГЕНІЙ-ХРАНИТЕЛЬ.

(Сновидѣніе.)

Грустный душою и сердцемъ больной, я на одръ мой, недавно,
Кинулся, плакать хотѣлъ — не могъ и роптаЛъ на безсмертныхъ.
Всѣ испытанья, всѣ муки, меня повстрѣчавшія въ жизни,
Снова, казалось, и вмѣстѣ на душу, тяжелыя пали.
Я утомился и сонъ въ меня усыпленіе пролилъ:
Вижу — лежу я на камнѣ, покрытый весь ранами, цѣпи

Руки мои бременятъ, надо мною стоитъ и ры-
даетъ
Юноша свѣтлый, крылатый, созданье творящаго
Зевса.

«Бѣдный товарищъ, терпѣнье!» онъ молвилъ мнѣ.
(Сладость внезапно
Въ грудь мою полилась — и я жадно сталъ дивнаго
слушать).
«Я твой геній-хранитель! вижу улыбку укора,
Вижу болѣзненный взглядъ твой, страдалецъ не-
винный, и плачу.
Боги позволили мнѣ въ сновидѣньи предутреннемъ
нынѣ
Горе съ тобой раздѣлить и ихъ оправдать предъ
тобою.
Любятъ смертныхъ они, и ужь радость по волѣ
ихъ ждетъ васъ
Съ мрачной ладьи принять и вести въ обитель
награды.
Но доколѣ вы здѣсь, вы игралище мощнаго Рока;

Властный, законы ужасные пишетъ онъ Паркамъ суровымъ.

Эрмій со мною (тебя еще не было) посланъ былъ Зевсомъ
Мигъ возвѣстить, когда имъ выпрясть нить твоей жизни.
Вняли велѣнью онѣ и къ дѣлу руки простерли.
Я подошелъ къ нимъ, каждую собственнымъ именемъ назвалъ,
Низко главу наклонилъ и молилъ всѣхъ вмѣстѣ и розно
Ровно нить сію прясть иль въ началѣ ее перерѣзать.
Нѣтъ! и просьбы и слезы были напрасны! Дико
Пѣсню запѣли онѣ и въ перстахъ веретено закружилось.»

V.

НА СМЕРТЬ В....ВА.

Дѣва.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсень,
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты.

Роза.

Дѣва, не плачь! я на прахѣ его въ красотѣ разцвѣтаю.
Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ другимъ;
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

VI.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закоцитную новость:
Въ темный недавно Аидесъ тѣнь Славянина пришла;
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопытныхъ, пропѣла,
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣснь Иліады твоей.
Старецъ нашъ, къ персямъ вожатаго-юноши сладко приникнувъ,
Вскрикнулъ: вотъ слава моя, вотъ чего вѣки я ждалъ!

VII.

ЭПИТАФІЯ.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. В—ФЪ.

Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
Ея внушеніямъ покорной,
Не выбралъ я стези придворной,
Не полюбилъ я эполетъ
(Наряда юности задорной),
Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
Мнѣ объявившей: ты поэтъ.

Всегда въ пути моемъ тяжеломъ
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютѣ дружества веселомъ,

Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила
И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчественно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣснію своей.

IX.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. К—ОЙ.

Во имя Феба и Харитъ
Я твой альбомъ благословляю
И, по внушенью Аонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю:
Въ немъ перескажетъ дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои откроетъ ожиданья.

X.

РОМАНСЪ.

Друзья, друзья! я Несторъ между вами,
По опыту веселый человѣкъ;
Я пью давно; пилъ съ вашими отцами
Въ златые дни, въ Екатерининъ вѣкъ.

И въ насъ душа кипѣла въ ваши лѣты,
Какъ вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну намъ славили поэты,
Намъ сладко пѣлъ Мелецкій про любовь!

Не конченъ пиръ — а гости разошлися,
Допировать одинъ остался я:
И что жь? ко мнѣ, вы други, собралися,
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

Гляжу на васъ: ихъ лица съ ихъ улыбкой,
И тотъ же споръ про жизнь и про вино,
И мнится мнѣ, я полагалъ ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

XI.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоешь?
Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега;

Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемышнѣе меня.
У меня ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня ли у младой
Въ сердцѣ миленькой дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимнюю ночку на рукѣ
Разпаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

XII.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, пѣвунья пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ.
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

*

XIII.

ЛУНА.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;
Печально глядѣла въ окошко луна;

Я слышалъ: потоки шумѣли вдали;
Я видѣлъ: на холмы туманы легли.

Въ душѣ замутилось, я дико вздохнулъ,
Я прошлое живо душой вспомянулъ!

Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.

Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:
Быть вѣчно твоею клянуся лунѣ.

Какъ прежде, за тучи луна уплыла,
И насъ разлучила невѣрная мгла.

Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,
Вздохнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

XIV.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
Намъ дана судьбой:
Пейте жизни сладость
Полною струёй.

Прочь отъ насъ печали,
Прочь толпа заботъ!
Юныхъ увѣнчали
Бахусъ и Эротъ.

Пусть трещатъ морозы,
Вѣтръ свиститъ въ окно:
Намъ напомнитъ розы
Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣетъ,
Насъ, въ младые дни,
Какъ весна, согрѣетъ
Поцѣлуй любви.

XV.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камены, Камены всесильныя!
Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
Вы взгляните: въ слезахъ Аматузія,
Горько плачутъ Амуры и Граціи.
Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
Нѣтъ Амики, прекрасной и ласковой.
И Діана, завидуя Лидіи,
Любовалась невольно Амикою.
Ахъ! она была краше, игривѣе
Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Деліи.
Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
Лучшій шелкъ Индостана и Персіи

Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.
Не дѣлила Амика любви своей:
Нѣтъ! любила одну она Лидію;
И при ней не приближьтесь вы къ Лидіи
(Ахъ! и ревность была ей простительна!);
Она вскочитъ, залаетъ и кинется,
Хоть на Марса иль Зевса могучаго.
Вотъ какъ нѣжность владѣла Амикою,
И такой мы собачки лишилися!
Какъ на рокъ не роптать и не плакаться?
Семь ужь люстровъ стихами жестокими
Бавій мучитъ гражданъ и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утѣшеніемъ Лидіи.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузія,
Горько плачьте Амуры и Граціи!
Ужь Амика ушла за Меркуріемъ
За Коцитъ и за Лету печальную,
Невозвратно въ обитель Аидову,
Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
На рукахъ у Катулла чиликаетъ.

XVI.

КУПАЛЬНИЦЫ.

(Идиллія.)

«Какъ! ты разплакался! слушать не хочешь и стараго друга!
Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни пол-слова не скажетъ,
Пѣсень съ тобой не поетъ, не пляшетъ, почти лишь не плачетъ,
Только что встрѣтишь насмѣшливый взоръ Ликорисы, и обѣ
Мигомъ краснѣютъ, краснѣе вечерней зари передъ вихремъ!

Взрослый ребенокъ, стыдись! иль не знаешь сѣдаго
Сатира?
Кто же младенца тебя баловалъ? день цѣлый
бывало,
Бѣдный на холмѣ сидишь ты одинъ и смотришь
за стадомъ:
Сердцемъ и сжалюсь я; старый, приду посмѣяться
съ тобою,
Въ кости играя поспорить, попѣть на свирѣли.
Что жь вышло?
Кто же, какъ ты, свирѣлью владѣетъ и въ кости
играетъ?
Самъ ты знаешь, никто. Изъ чьихъ ты корзинокъ
плоды ѣлъ?
Все изъ моихъ: я жимолость тонкую самъ вы-
бирая,
Плелъ изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣтною
соломой.
Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кувшиновъ:
тыквы
Полныя, словно широкія щеки младаго Сатира,

Я и сушилъ, и долбилъ, и на кожѣ рѣзалъ искусно
Грозды, цвѣты и образы сильныхъ боговъ и героевъ.
То же никто не имѣлъ (могу похвалиться) подобныхъ
Чашъ и кувшиновъ и легкихъ корзинокъ. Часто, бывало,
Послѣ оргій вакхальныхъ другіе Сатиры спѣшили
Либо въ пещеры свои, отдохнуть на душистыхъ постеляхъ,
Либо къ рощамъ пугать и преслѣдовать юныхъ пастушекъ:
Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь забывая;
Пьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ ученымъ козленкомъ;
Рѣзвый, на заднихъ ногахъ выступалъ и прыгалъ неловко,
Трясъ головой, и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы блестѣли
Въ ямкахъ щечекъ надутыхъ: и все забывалося горе.
Горе жь какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль, да и только.

Нынче ль тебя не утѣшу я? нынче ль оставлю? повѣрь мнѣ,
Слезы утри! успокойся и стараго друга послушай.» —

Такъ престарѣлый Сатиръ говорилъ молодому Микону,
Въ грусти безмолвной лежащему въ темной каштановой рощѣ.
Къ Дафнѣ юный пастухъ разгарался въ младенческомъ сердцѣ
Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ и любилъ не напрасно.
Все до вчерашняго вечера счастье ему предвѣщало:
Дафна охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби меня, Дафна!
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?
Только онъ къ ней, она отъ него. Понятные взгляды,

Ласково-дѣтскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пурпуровыхъ,
Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою уплыло!
Что случилось съ прекрасной пастушкой? Не знаетъ ли полно
Старый Сатиръ нашъ объ этомъ? не просто твердитъ онъ: Послушай!
Ночь же прекрасная: тихо, на небѣ ни облака! Если
Съ каждымъ лучемъ богиня Діана шлетъ по лобзанью
Эндиміону счастливцу: то былъ ли на свѣтѣ кто смертный
Столько, такъ страстно лобзаемъ и въ полную пору любови!
Нѣтъ и не будетъ! лучи такъ и блещутъ, земля утопаетъ
Въ ихъ обаятельномъ свѣтѣ; Иллисъ изъ урны прохладной
Льетъ серебро; соловьи разсыпаются въ сладостныхъ пѣсняхъ;
Берегъ дышитъ томительнымъ запахомъ травъ ароматныхъ:

Сердце полнѣе живетъ и душа упивается нѣгой.
Бѣдный Миконъ Сатира послушался, медленно поднялъ
Голову, сѣлъ, прислонился къ каштану высокому, руки
Молча сложилъ, и взоръ устремилъ на Сатира; а старый
Локтемъ налегся на длинную вѣтвь, и качаясь, такъ началъ:

«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: — холодно что-то!
Развѣ съ вечера я не прикрылся? гдѣ теплая кожа?
Какъ подъ себя не постлалъ я травъ ароматныхъ и свѣжихъ?
Глядь, и зажмурился! свѣтъ ослѣпительный утра, неслитый
Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Что это? дернулъ ногами:
Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой: о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоцѣнная кружка!

Ахъ, я хотѣлъ закричать: ты усерденъ по прежнему, старый,
Лишь не по прежнему силенъ, мой другъ, на вакхическихъ битвахъ!
Ты не дошелъ до пещеры своей, на дорогѣ ты вѣрно
Палъ, побѣжденный виномъ, и насмѣшникамъ въ руки попался! —
Но плесканье воды, но веселые женскіе клики
Мысли въ умѣ, а слова въ разтворенныхъ устахъ удержали.
Вотъ, не смѣя дышать, чуть-чуть я привсталъ, предомною
Частый кустарникъ; легко листы раздвигаю; подвинулъ
Голову въ листья, гляжу: тамъ синѣютъ, тамъ искрятся волны;
Далѣе двинулся: вижу, въ волнахъ Ликориса и Дафна:
Обѣ прекрасны, какъ дѣвы - Хариты, и наги, какъ Нимфы;
Съ ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди: бѣдныхъ

Прошлой весною ты спасъ; ихъ матерь клевала жестоко; —
Мать отогналъ ты, поймалъ ихъ и въ даръ принесъ Ликорисѣ:
Дафну тогда ужь любилъ ты, но ей подарить ихъ боялся.
Первыя чувства любви, я помню, застѣнчивы, робки:
Любишь и милой страшишься наскучить и лаской излишней.
Бѣлыя шеи двухъ лебеде́й обхвативъ, Ликориса
Вдругъ поплыла, а Дафна нырнула въ кристальныя воды.
Дафна явилась, и смѣхъ ее встрѣтилъ: «Дафна, я Леда,
Новая Леда.» — А я Аматузія! видишь, не такъ ли
Я родилася теперь, какъ она, изъ пѣны блестящей? —
«Правда; но прежняя Леда ни что передъ новой! мнѣ служатъ
Два Зевеса: чѣмъ же похвалишься ты предъ Кипридой?»

— Мужемъ не будетъ моимъ Ифестъ хромоногій и старой! —
« Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу: правда!
Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскать пастуха, его лучше!
Кудри его въ три ряда; глаза небеснаго цвѣта;
Взгляды ихъ къ сердцу доходятъ; какъ персикъ, въ пору созрѣвшій,
Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ блестящимъ украшенъ;
Что жь за уста у него? Душистыя, алыя розы,
Полныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ пѣсень воздушныхъ.
Дафна, мой другъ, поцѣлуй же меня! ты скоро не будешь
Часто твою цѣловать Ликорису охотно; ты скажешь:
Слаще въ лобзаньяхъ уста пастуха, молодаго Микона! »
— Все ты смѣешься, подруга лукавая! все понапрасну

Въ краску вводишь меня! и что мнѣ Миконъ твой?
хорошъ онъ —
Лучше ему! я къ нему равнодушна. — « Зачѣмъ же
краснѣешь?»
— Я по неволѣ краснѣю: зачѣмъ все ко мнѣ при-
стаешь ты?
Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ; а
онъ что мнѣ? —
«Что жь ты трепещешь, и грудью ко мнѣ прижи-
маешься? что такъ
Пламенно, что такъ не ровно дышетъ она? Послу-
шай:
Если бъ (пошлюсь на безсмертныхъ боговъ, я того
не желаю)
Если бъ, гонясь за заблудшей овцою, Миконъ очутился
Здѣсь, вотъ на берегѣ; что бы ты сдѣлала?» — Я бъ?
утопилась! —
« Точно, и я бъ утопилась! Но отъ чего? что за
странность?
Развѣ хуже мы такъ? смотри, я плыву: не пре-
красны ль
*

Въ золотѣ струй эти волны власовъ, эти нѣжныя перси?
Вотъ и ты поплыла; вотъ ножка въ водѣ забѣлѣлась,
Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горъ! А вся такъ бѣла ты!
Шея же, руки: вглядися, скажешь — изъ кости слоновой
Мастеръ большой ихъ отдѣлалъ, а Зевсъ наполнилъ съ избыткомъ
Сладко-плѣняющей жизнью. Дафна, чего жь мы стыдимся!»
— Другъ Ликориса, не знаю; но знаю: стыдиться прекрасно!
«Правда; но все непонятнаго много тутъ скрыто! Подумай:
Что же мущины такое? не точно ль, какъ мы, они люди?
То же творенье прекрасное дивнаго Зевса-Кронида.
Какъ же мущинъ мы стыдимся, съ другимъ же, намъ чуждымъ созданьемъ,

Съ лебедемъ шутимъ свободно: то длинную шею
лаская,
Клёвъ его клонимъ къ устамъ и цѣлуемъ; то съ
нѣжностью треплемъ
Бѣлыя крылья и персями жмемся ко груди пуховой.
Нѣтъ ли во взорѣ ихъ силы ужасной, Медузиной
силы,
Въ камень насъ обращающей? что ты мнѣ скажешь?»
— Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! и также
Друга ласкать и лобзать не устала бъ въ семъ
образѣ скромномъ,
Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерзка-
го жь боги,
(Кто бы онъ ни былъ:) молю, обратите рогатымъ
оленемъ,
Словно ловца Актеона, жертву Діанина гнѣва!
Ахъ, Ликориса, рога! — «Что рога?» — Рога за
кустами! —
«Дафна, Миконовъ сатиръ!» — Уплывемъ, уплывемъ! —
«Все онъ слышалъ,

Все онъ разскажетъ Микону! бѣдныя мы!» — Мы погибли! —

Такъ, осторожный, какъ юноша пылкій, я разговоръ ихъ
Кончилъ внезапно! и все былъ доволенъ: Дафна, ты видишь,
Любитъ тебя, и невинная доли прекрасной достойна:
Сердцемъ Микона владѣть на земли и въ обителяхъ Орка!
Что жь ты не плачешь по прежнему, взрослый ребенокъ! Сатира
Стараго, видно, слушать полезно? поди же въ шалашъ свой!
Сладкимъ велѣньямъ Морфея покорствуй! Эротъ не оставитъ
Дѣла прекраснаго! вѣрь мнѣ, спокойся: онъ кончитъ, какъ началъ.»

XVII.

КЪ ЛИЛЕТѢ.

Лилета, пусть вѣтеръ свиститъ и къ верху мятелица вьется,
Внимая боренью стихій и въ бурю мы счастливы будемъ,
И въ бурю мы можемъ любить! ты знаешь, во мрачномъ Хаосѣ
Родился прекрасный Эротъ.

Въ ужасномъ волненьи морей, когда громы сражались съ громами
И тьма устремлялась на тьму и бѣлая пѣна кипѣла—
Явилась богиня любви, въ коральной плывя колесницѣ
И волны предъ ней улеглись.

И мы, подъ защитой боговъ, потопимъ въ веселіи
время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтеся, желтые листья!
Но мы еще только цвѣтемъ, но мы еще жить
начинаемъ
Въ объятіяхъ нѣжной любви.

И радостно сбросимъ съ себя мы юности красну
одежду
И старости тихой дадимъ дрожащую руку съ клюкою
И скажемъ: о старость, веди наслаждаться любовью
въ томъ мірѣ,
Ужь мы насладилися здѣсь.

XVIII.

КЪ ДОРИДѢ.

Дорида, Дорида! любовью все дышетъ,
Все пьетъ наслажденье съ притекшей весной:
Чуть зефиръ, струяся, березу колышетъ,
И съ берега лебедь понесся волной
Къ зовущей подругѣ на островъ пустынной,
Надъ розой трепещетъ златый мотылёкъ,
И въ гулкой долинѣ любовью невинной
Протяжно вздыхаетъ пастушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мнѣ платишь за слезы и муки любви!
Вглядись въ мою блѣдность, въ мой взоръ помраченной:
По нимъ ты узнаешь, какъ въ юной крови
Свирѣпая ревность томитъ и сжигаетъ!
Не внемлетъ... и въ пляскахъ, смѣясь надо мной,
На зло мнѣ красою подругъ затемняетъ,
И узниковъ гордо ведетъ за собой.

XIX.

ХОРЪ.

Изъ Колиновой трагедіи: Поликсена.

Ге́ліосъ, Ге́ліосъ!
Тамъ съ безпредѣльности моря
Снова подъемлешь главу
Въ блескѣ лучей.
Горе мнѣ, горе!
Снова я плачу
Въ срѣтенье бога!
Черезъ пучину —
Съ тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенанія!

Смолкните, смолкните
Вы, разтерзанной груди
Муки жестокія!
Плѣнницѣ мнѣ
Горе, горе!
Скоро укажетъ мнѣ
Грозной рукою Грекъ:
Скоро сокроется
Берегъ священный отечества!

Троя! Троя!
Ты не Эллинами
Ринута въ прахъ,
Гибель! гибель!
Было грозныхъ безсмертныхъ
Вѣчное слово.
Пала — отгрянулъ востокъ,
Западъ содрогнулся,

Троя! Троя!
Өеба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипѣвшая!
Нынѣ пустыня, уголь, прахъ,
Нынѣ гробъ!
Плачьте, о плѣнницы!
Вашихъ супруговъ гробъ,
Вашихъ дѣтей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!
Рокъ вашъ: плакать, плакать,
Къ долу прилечь,
Умереть!

XX.

НАДПИСЬ

На статую Флорентинскаго Меркурія.

Перстъ указуетъ на даль, на главѣ развилися крылья,
Дышетъ свободою грудь, съ легкостью дивною онъ
Въ землю ударя крылатой ногой, кидается въ воздухъ...
Мигъ—и умчится! Таковъ полный восторга пѣвецъ.

XXI.

КЪ АМУРУ.

(Изъ Геснера.)

Еще въ началѣ Мая,
Тебѣ, Амуръ жестокій!
Я жертвенникъ поставилъ
Въ домашнемъ огородѣ,
И розами и миртомъ
Обвилъ его, украсилъ.
Не каждое ли утро
Съ тѣхъ поръ вѣнокъ душистый
Носилъ тебѣ, какъ жертву?
А было все напрасно!

Ужъ сыплются мятели
По обнаженнымъ вѣтвямъ —
Она жь ко мнѣ сурова,
Какъ и въ началѣ Мая.

XXII.

ИДИЛЛІЯ.

Нѣкогда Титиръ и Зоя, подъ тѣнью двухъ юныхъ
платановъ,
Первыя чувства познали любви и, полные счастья,
Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревъ имена
начертали,
Титиръ Зои, а Титира Зоя, Богу Эроту,
Шумныхъ свидѣтелей страсти своей посвятивши.
Подъ старость
Къ двумъ завѣтнымъ платанамъ они прибрели
и видятъ
Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами
срослися.—

Нимфы деревъ сихъ тайною силой именъ сочетавшись,
Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделеньемъ на путника вѣютъ;
Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣ той Титиръ и Зоя.

XXIII.

ПѢСНЯ.

Наяву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ:
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть — очи и уста
И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мнѣ ужь вами не играть,
Мнѣ ужь васъ не цѣловать,
Вы другому достаетесь.

*

И я утромъ золотымъ
Молвлю персямъ молодымъ:
Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ: —
Ужь не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взорамъ и устамъ:
Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю
Все устами васъ ловлю,
Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждетъ, —
Но ужь милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья.

XXIV.

РОМАНСЪ.

Вчера Вакхическихъ друзей
Я посѣтилъ кружокъ веселой;
Взошелъ — и слышу: здраствуй, пей!
Нѣтъ — молвилъ я съ тоской тяжелой:

Не пить, безпечные друзья;
Пришелъ къ вамъ другъ вашъ одичалый:
Хочу на мигъ забыться я
Отъ жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей;
Дружнѣй гетеръ и Вакха пойте!
Волненіе души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мнѣ помогите освѣжить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напѣвомъ радости застольной.

XXV.

ЖАЛОБА.

Возпламенить васъ трудъ напрасной,
Узналъ по опыту я самъ;
Васъ боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богамъ:
Но вмѣстѣ съ прелестью опасной
Они холодность дали вамъ.
Я таю въ грусти сладострастной;
А вы, на зло моимъ мечтамъ,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простымъ мольбамъ.

XXVI.

РОМАНСЪ.

Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ,
Одинокъ воздыхалъ витязь на курганѣ.

Свѣжихъ травъ не щипалъ конь его унылой:
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!

« Не къ добру грудь моя тяжко воздыхаетъ,
« Не къ добру сердце мнѣ что-то предвѣщаетъ;

« Не къ добру безъ ѣды ты стоишь унылой!
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!»

Конь вздрогнулъ и сильнѣй витязь возмутился,
Въ милый край, въ страшный край, какъ стрѣла пустился.

Ночь прошла, все свѣтло: видѣнъ храмъ съ дубровой,
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

XXVII.

СОНЪ.

« Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я въ третью ночь, въ послѣднюю,
Я въ вѣщемъ снѣ пришла къ тебѣ,
Забыла стыдъ дѣвической!
Не волкомъ я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злымъ врагомъ утрачена:
По засѣкамъ гуляючи,
Я обошла лѣсничаго
Косматаго, рогатаго;
Я сбилася съ тропы съ пути,

Съ тропы съ пути, съ дороженьки
И встрѣтилась я съ вѣдьмою
Съ заклятою завистницей
Красы моей — любви твоей.

« Мой суженый, мой ряженый,
Я въ вѣщемъ снѣ впослѣднее
Къ тебѣ пришла: спаси меня!
Съ зарёй проснись, росой всплеснись,
Съ крестомъ въ рукѣ пойди къ рѣкѣ
Благословясь пустися въ плавь
И къ берегу заволжскому
Тебя волна прибьетъ сама.
На всей красѣ на берегѣ
Ростетъ, цвѣтетъ шиповничекъ:
Въ шиповничкѣ душа моя:
Тоска — шипы, любовь — цвѣты,
Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.
Росу сбери, цвѣты сорви
И буду я опять твоя.»

— Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!
По гробъ грустить мнѣ молодцу!
Не Волгой плыть, а слёзы лить!
По Волгѣ бродъ — саженный ледъ,
По берегу жь заволжскому
Мятетъ, гудетъ мятелица!

XXVIII.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Протекшихъ дней очарованья,
Мнѣ васъ душѣ не возвратить!
Въ любви узнавъ однѣ страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

Къ ней сны младые не забродятъ,
Опять съ надеждой не мирятъ,
Въ странахъ волшебныхъ съ ней не ходятъ,
Веселыхъ пѣсень не заводятъ
И сладкихъ словъ не говорятъ.

Ея одинъ удѣлъ печальной:
Года безчувственно провесть
И въ край, для горестныхъ не дальной,
Подъ гласъ молитвы погребальной,
Однѣ молитвы перенесть.

XXIX.

НА СМЕРТЬ ***.

Сельская элегія.

Я зналъ ее: она была душою
Прелестнѣй своего прекраснаго лица.
Умомъ живымъ, мечтательной тоскою,
Какъ бы предчувствіемъ столь ранняго конца,
Любовію къ роднымъ и къ намъ желаньемъ счастья:
Всѣмъ милая, она несчастлива была,
И какъ весенній цвѣтъ, разцвѣтшій въ дни не-
настья,
Она внезапно отцвѣла.

И кто жь? любовь ей сердце отравила!
Она невѣрнаго пришельца полюбила:
Намигъ ея плѣняся красотой,
Онъ кинулся въ объятія другой
И навсегда ушелъ изъ нашего селенья.
Что, что ужаснѣе любви безъ раздѣленья,
Простой, довѣрчивой любви!
Несчастная, въ душѣ страданія свои
Сокрыла, ихъ самой сестрѣ не повѣряла,
И грусть безмолвная и жаждущая слёзъ,
Какъ червь цвѣточный, поѣдала
Ея красу и цвѣтъ ланитныхъ розъ!
Какъ часто гробъ она отцовскій посѣщала!
Какъ часто, видѣлъ я, она сидѣла тамъ
Съ улыбкой, безъ слезы роптанья на рѣсницѣ,
Какъ возсѣдитъ Терпѣнье на гробницѣ
И улыбается бѣдамъ.

XXX.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Сонетъ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ Музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный Піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье,

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

XXXI.

СОНЕТЪ.

Златыхъ кудрей пріятная небрежность,
Небесныхъ глазъ мечтательный привѣтъ,
Звукъ сладкій устъ, при словѣ даже: *нѣтъ*
Во мнѣ родятъ любовь и безнадежность.

На то ли мнѣ послали боги нѣжность,
Чтобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
Но я готовъ, я выпью чашу бѣдъ:
Мнѣ не страшна грядущаго безбрежность!

*

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабылъ свободной жизни сладость,
Душа горитъ, но смолкла въ сердцѣ радость,

Во мнѣ кипитъ и холодѣетъ кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебѣ я ввѣрилъ младость?

XXXII.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Сонетъ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ:)
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,

Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье

И первый я его услышалъ пѣнье

И за себя боговъ благословилъ.

Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ

И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

XXXIII.

С. Д. П—ОЙ.

При посылкѣ книги: Воспоминаніе объ Испаніи, соч. Булгарина.

Сонетъ.

Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ,
Онъ тамъ не гость, но родственникъ и свой,
Подъ кастаньетъ съ веселой красотой
Поетъ романсъ и пляшетъ, какъ Испанецъ.

Его огнемъ въ щекахъ блеститъ румянецъ,
Пылаетъ грудь, сверкаетъ взоръ живой,
Горятъ уста Испанки молодой;
И вѣетъ миртъ и дышетъ померанецъ.

Но онъ и къ намъ, всесильный, не суровъ,
И къ Сѣверу мы зримъ его вниманье:
Не онъ ли далъ очамъ твоимъ блистанье,

Устамъ кораллъ, жемчужный рядъ зубовъ,
И въ кудри свилъ сей мягкій шелкъ власовъ
И всю тебя одѣлъ въ очарованье!

XXXIV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Что, красотка молодая,
 Что ты, свѣтикъ, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
 Къ бѣлой ручкѣ клонишь?
Или словомъ, или взоромъ
 Я тебя обидѣлъ?
Иль не скромнымъ разговоромъ
 Ввелъ при людяхъ въ краску?

Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ!
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли!
Ты не хочешь, не желаешь,
Молодцу открыться
Ты боишься милу другу
Заповѣдать тайну!

Не слыхали ль злые люди
Нашихъ разговоровъ?
Не спросили ль злые люди
У отца роднаго;
Не спросили ль супостаты
У твоей родимой:
« Чей у ней на ручкѣ перстень?
« Чья въ повязкѣ лента,
« Лента, ленточка цвѣтная,
« Съ золотой каймою;
« Перстень съ черныю разписцою,
« Съ чистымъ изумрудомъ?»

Не томи, открой причину
    Слезъ твоихъ горючихъ!
Перелей въ мое ты сердце
    Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
    Сладкимъ поцѣлуемъ:
Мы вдвоемъ тоску-кручину
    Легче розтоскуемъ.

XXXV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Ахъ ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли,
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ?

Все темнѣешь
Тучами?

И съ тобой знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая,
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи

Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ, —
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

XXXVI.

ДОМИКЪ.

За далью туманной,
За дикой горой
Стоитъ надъ рѣкой
Мой домикъ простой;
Для знати жеманной
Онъ замкнутъ ключемъ,
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Мечтамъ и бездѣлью.
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ,
Дана имъ свобода —

Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ
И древнихъ дубовъ
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ струйкой игривой
Сверкая бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ
Ручей пограничной: —
Съ заботой привычной
Порхать и летать
И пѣснею сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей приклакать.

XXXVII.

ЦЕФИЗЪ.

Идиллія.

(Н. А. Б....ОМУ.)

Мы еще молоды, Лидій! вкругъ шеи кудри віются;
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки, и свѣжія губы алѣютъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ. Но скоро ль, не скоро ль,
Все жь мы, пастухъ, состарѣемся, все жь подурнѣемъ; а Дафна,
Эта шалунья, насмѣшница, вдругъ подрастетъ и, какъ роза,

Вешнимъ утромъ разцвѣтшая, насъ ослѣпитъ красотою.
Поздно тогда къ ней ласкаться, поздно и тщетно! вертушка
Врядъ поцѣлуетъ сѣдыхъ — и, локтемъ подругу толкая
Скажетъ съ насмѣшкою: «взглянь, вотъ бабушкинъ милый любовникъ!
Какъ же щеки румяны, какъ густы волнистыя кудри!
Голосъ его соловьиный, а взоръ его прямо орлиный!»
— Смѣйся, мы скажемъ ей, смѣйся! И мы насмѣхались, бывало!
Здѣсь проходчиво все — одна не проходчива дружба!

«Здравствуй, здравствуй, Филинтъ! Давно мы съ тобой не видались!
Вѣкъ не забуду я дня, который тебя возвратилъ мнѣ,

Мой добродѣтельный старецъ! милый другъ, твои
кудри
Старость не скупо осыпала снѣгомъ! Приди же къ
Цефизу;
Здѣсь отдохни подъ прохладою тѣней: тебя ожи-
даютъ
Сочный въ саду виноградъ и плодами румяная груша!»
Такъ Цефизъ говорилъ, съ младенчества милому,
другу:
Старца обнялъ, затворъ отшатнулъ, и ввелъ его
въ садикъ.
Съ груши одной Филинтъ плоды вкушалъ и хвалилъ
ихъ,
И Цефизъ ему весело молвилъ: «пріятель отнынѣ
Дерево это твое; а я отъ холодной мятели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя и цвѣтетъ и плодомъ бога-
тѣетъ!»
Но — не Филинту оно и цвѣло и плодомъ богатѣло:
Въ ту же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ Жиз-
недавца

*

Также мирно уснуть, хоть и бѣднымъ, но добрымъ.
Подъ грушей
Старца онъ схоронилъ и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.

Часто слыхалъ онъ, когда простирала луна
отъ деревьевъ
Влажныя, долгія тѣни, священное листьевъ шептанье;
Часто изъ гроба таинственный гласъ исходилъ —
казалось,
Былъ благодарности гласъ онъ. И небо давало Цефизу
Много съ тѣхъ поръ и грушъ благовонныхъ и гроздій
прозрачныхъ.

XXXVIII.

ДИѲИРАМБЪ.

(На пріѣздъ трехъ друзей.)

О радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещетъ лира:
Въ струнахъ позабытыхъ
Я звуковъ согласныхъ,
Я звуковъ живительныхъ
Въ восторгѣ ищу.

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертная;
Други, ко мнѣ!
Опять доступенъ
Я смѣхамъ и пѣснямъ
И чашѣ, вѣнчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поэтову
Съ дальнихъ сторонъ:
Отъ Финновъ блѣдныхъ;
Ледяноволосыхъ;
Отъ Реина старца;
Отъ моря сыпучаго
Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

XXXIX.

МЫ.

Бѣдные мы! что нашъ умъ? сквозь туманъ озаряющій факелъ
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ;
Счастіе наше въ невѣдѣньи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

XL.

УТѢШЕНІЕ.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! разставаяся съ міромъ,
Злобу людей и судьбы сердцемъ прости и забудь.
Къ солнцу впослѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и утѣшься:
Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миртахъ пробудятся тамъ.

XLI.

КЪ ПТИЧКѢ,

ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ.

Во имя Деліи прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, летуньѣ сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!
И я равно счастливой долей
Отъ милой надѣленъ моей:
Какъ ей обязана ты волей,
Такъ я неволею своей.

XLII.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, къ плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
Въ прежни годы, въ дни разгульные,
Въ русыхъ кудряхъ, въ красотѣ твоей,
Въ той ли шапкѣ, шапкѣ бархатной,
Соболями опороченой.
Днемъ ли въ тѣ поры я выѣду,
Въ очи солнце — ты не хмуришься,
Въ темномъ лѣсѣ въ ночь ненастную,

Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль дѣвица приглянется —
И безъ словъ ей все повыскажешь;
Повстрѣчаются ль недобрые —
Только взглянутъ и вспокаются.
Что жь теперь ты думу думаешь,
Думу крѣпкую, тяжелую?
Иль ты съ сердцемъ перемолвилось,
Иль одно вы съ нимъ задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни изъ сердца, ни съ ума нейдетъ?
Ужь не вырваться изъ клѣточки
Пѣвчей птичкѣ коноплянoчкѣ:
Знать и вамъ не видѣть болѣе
Прежней воли съ прежней радостью.

XLIII.

РОЗА.

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Всѣмъ ты, красавица, роза цвѣтокъ!
Вѣйся, плетися съ лилеей и ландышемъ,
Вѣйся, плетися въ мой пышный вѣнокъ.

Нынче я встрѣчу красавицу-дѣвицу,
Нынче я встрѣчу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная дѣвица!»
Ахъ!.. и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдругъ зарумянится красная дѣвица,

Вспыхнетъ младая, какъ роза цвѣтокъ:

Взглянь въ ручеечекъ, пастушка стыдливая,

Взглянь: предъ тобою ничто мой вѣнокъ!

XLIV.

РОМАНСЪ.

Только узналъ я тебя —
И трепетомъ сладкимъ впервые
Сердце забилось во мнѣ.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и всѣ радости жизни
Въ жертву тебѣ я принесъ.

Ты мнѣ сказала: люблю,
И чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нѣтъ слова всѣ муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зараждаешь въ душѣ.

XLV.

ДРУЗЬЯ.

(Идиллія.)

Е. А. Баратынскому.

Вечеръ осенній сходилъ на Аркадію. — Юноши, старцы,
Рѣзвыя дѣти и дѣвы прекрасныя, съ ранняго утра,
Жавшіе сокъ виноградный изъ гроздій златыхъ, благовонныхъ,
Всѣ собралися вокругъ двухъ старцевъ, друзей знаменитыхъ.
Славны вы были, друзья Палемонъ и Даметъ! счастливцы!

Знали про васъ и въ Сициліи дальней, средь моря цвѣтущей;
Тамъ, на пастушьихъ бояхъ хорошо искусившійся въ пѣсняхъ,
Часто противниковъ дерзкихъ сражалъ не отвѣтнымъ вопросомъ:
Кто Палемона съ Даметомъ славнѣе по дружбѣ примѣрной?
Кто ихъ славнѣе по чудному дару испытывать вина?

Такъ и теперь передъ ними, подъ тѣнью вѣтвистыхъ платановъ,
Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ, вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу — и молча
Къ свѣту смотрѣли на цвѣтъ, обоняли и думали долго,
Пили, и судъ непреложный вмѣстѣ вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгіе годы
Въ прокъ положить, что бы внуки, когда соизволитъ Кроніонъ

Вѣкъ ихъ счастливо продлить, подъ старость, за
трапезой шумной
Пивши, хвалилися имъ, разсказамъ пришельца внимая.
Только жь надъ винами судъ два старца, два друга
скончали,
Вакхъ, языковъ разрѣшитель, сидѣлъ ужь близь нихъ
и незримый
Къ дружеской тихой бесѣдѣ настроилъ сѣдаго
Дамета:

«Другъ Палемонъ, съ улыбкою старецъ промолвилъ:
дай руку!
Вспомни, старикъ; еще я говаривалъ, юношей бывши:
Здѣсь проходчиво все, одна не проходчива дружба!
Что же, слово мое не сбылось ли? какъ думаешь,
милый?
Что, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранилъ ты?—но
я не жалѣю,
Вотъ Геркулесъ! не жалѣю о томъ, что прошло;
твоей дружбой

*

Сердце довольно вполнѣ и веду я не къ этому слово.
Нѣтъ, но хочу я — кто знаетъ? — мы стары! хочу я, быть можетъ,
Нынѣ впослѣднее, все разсказать, что отъ самаго дѣтства
Въ сердцѣ ношу, о чемъ много говаривалъ, небо за что я
Рано и поздно молилъ; Палемонъ, о чемъ буду съ тобою
Часто бесѣдовать даже за Стиксомъ и Летой туманной.
Какъ мнѣ счастливымъ не быть, Палемона другомъ имѣя?
Матери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣтства любили,
Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ милымъ и дружнымъ,
Вмѣстѣ плоды понесли Гименея; другъ другу, младыя
Новыя тайны ввѣряя, священный обѣтъ положили:

Если боги мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ одной дочерь
Сына другой, то сердца ихъ, невинныхъ, невинной любовью
Крѣпко связать и молить Гименея и бога Эрота,
Да уподобятъ ихъ жизнь двумъ источникамъ, вмѣстѣ текущимъ,
Иль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высокой.
Вѣрной опорою служитъ одна, украшеньемъ другая;
Если жь двѣ дочери, или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить въ ихъ младыя, невинныя души.
Мы родилися: нами матери часто мѣнялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу и первое, что лишь запомнилъ я — ты былъ;
Съ первымъ чувствомъ во мнѣ развилася любовь къ Палемону.

Выросли мы — и въ жизни много опытовъ тяжкихъ
Боги на насъ посылали, мы дружбою все усладили. —
Скоръ и пылокъ я съ молоду былъ, меня все поражало,
Все увлекало; — ты кротокъ, тихъ и съ терпѣньемъ чудеснымъ,
Свойственнымъ только богамъ, милосердымъ къ Япетовымъ дѣтямъ.
Часто тебя оскорблялъ я, — смиренно сносилъ ты, мнѣ даже,
Мнѣ не давая замѣтить, что я поразилъ твое сердце.
Помню, какъ нынѣ, прощенья просилъ я и плакалъ, ты жь, другъ мой,
Вдвое рыдалъ моего и крѣпко меня обнимая,
Ты виноватымъ казался, не я. — Вотъ каковъ ты душою!
Ежели всѣ меня любятъ, любятъ меня по тебѣ же:
Ты сокрывалъ мои слабости; малое доброе дѣло

Ты выставлялъ и хвалилъ: ты былъ все для меня, и съ тобою
Долгая жизнь пролетѣла, какъ вечеръ веселый въ разсказахъ.
Счастливъ я былъ! не боюсь умереть! предчувствуетъ сердце
Мы не надолго разстанемся: — скоро мы будемъ обнявшись
Вмѣстѣ гулять по садамъ Элисейскимъ и съ новою тѣнью
Встрѣтясь, мы спросимъ: что на землѣ? все такъ ли, какъ прежде?
Други такъ ли тамъ любятъ, какъ въ старые годы любили?
Что же услышимъ въ отвѣтъ: по старому родина наша
Съ новой весною цвѣтетъ и подъ осень плодами пестрѣетъ,
Но друзей уже нѣтъ подобныхъ бывалымъ; нерѣдко
Слушалъ я, старцы, за полною чашей веселыя рѣчи:
« Это вино дорогое! — Его молодое хвалили

Славные други, Дамешъ съ Палемономъ; прошли, пролетѣли
Тѣ времена! хоть ищи, не найдешь здѣсь людей имъ подобныхъ,
Славныхъ и дружбой и даромъ чудеснымъ испытывать вина.»

XLVI.

МУЗАМЪ.

Съ благоговѣйною душой
Поэтъ, упавши на колѣны,
И фиміамомъ и мольбой
Васъ призываетъ, о Камены,
Въ свой домикъ низкой и простой!

Придите, дѣвы, воскресить
Въ немъ прежній пламень вдохновеній
И лиру къ звукамъ пробудить:
Другъ вашъ и другъ его Евгеній
Да будетъ гласъ ея хвалить.

Когда жь весна до вѣчныхъ льдовъ
Прогонитъ вьюги и морозы —
На вашъ алтарь, красу цвѣтовъ,
Положитъ первыя онъ розы
При пѣньи радостныхъ стиховъ.

XLVII.

ЭПИГРАММА.

Свитокъ изтлѣвшій съ трудомъ развернули. Напрасны усилья:
Въ старомъ свиткѣ прочли книгу извѣстную всѣмъ.
Юноша! къ Лидѣ ласкаясь, ты стараго то же добьешься:
Лида подъ часъ и тебѣ вымолвитъ слово: люблю.

XLVIII.

СМЕРТЬ.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться
нам жалко:
Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ ха-
латъ.

XLIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

О сила чудной красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пѣлъ товарищамъ угодный
Вино и дружество: — но ты
Явилась, душу мнѣ для муки пробудила
И лира про любовь опять заговорила.

L.

РОМАНСЪ.

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь
Свѣтлѣетъ сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипитъ:
Она моя, она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.

Что вьешься, ласточка, къ окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ, и безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горитъ:
Она моя, она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.

LI.

РОМАНСЪ.

Не говори: любовь пройдетъ,
О томъ забыть твой другъ желаетъ;
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ,
Ей въ жертву счастье отдаетъ.

Зачѣмъ гасить душѣ моей
Едва блеснувшія желанья?
Хоть мигъ позволь мнѣ безъ роптанья
Предаться нѣжности твоей.

За что страдать? что мнѣ въ любви
Досталось отъ небесъ жестокихъ
Безъ горькихъ слезъ, безъ ранъ глубокихъ,
Безъ утомительной тоски?

Любви дни краткіе даны,
Но мнѣ не зрѣть ея остылой;
Я съ ней умру, какъ звукъ унылой
Внезапно порванной струны.

LII.

ЭПИТАФІЯ.

Что жизнь его была? тяжелый сонъ;
Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье:
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье.

LIII.

ВАКХЪ.

Прощай, Киприда, Богъ съ тобою!
Съ фіаломъ счастливъ я:
Двоихъ дружишь ты межъ собою,
А Вакхомъ всѣ друзья.

LIV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Сиротинушка, дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюбя приголубливай,
Мои кудри разчесывай.
Хорошо цвѣтку на полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ:
Сиротинушкѣ, дѣвушкѣ
Веселѣй того съ молодцомъ.
У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка,
Что отъ дождичка кровелька,
Отъ жары дневной ставеньки,

От лихой же разлучницы
От лукавой укащицы
На воротах замо́к висит,
В подворотенку пес глядит.

LV.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ
И мнѣ душу то веселіе томитъ:
То веселье — не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выду во широкія поля —
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя:
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой,

Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами оболъюсь:
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ,
Такъ и слезы не свѣжатъ меня, младой;
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

LVI.

ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери:

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; нà стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ, кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ;

Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты Экватора
Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
Возпѣвать красоты поднебесныя
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ — и въ юности
Онъ ужь видитъ священную истину
И порокъ, изъ-подлобья взирающій!

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

LVII.

ХАТА.

Скрой меня, бурная, ночь! заметай слѣды мои вьюга,
Вѣтеръ холодный, бушуй вкругъ хаты *Лилеты* прекрасной,
Мѣсяцъ свѣти, не свѣти — а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.

Тихо дверь отворись! о *Лилета*, твой милый съ тобою,
Нѣжной, лилейной рукой ты къ сердцу его прижимаешь;
Что же съ перстомъ на устахъ, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргусъ не спитъ?

Богъ утѣшитель, Морфей, будь хранителемъ таинъ
Амура!
Сны, готовые насъ разлучить до скучнаго утра,
Роемъ тяжелымъ скорѣй опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей.

Намъ ли страшиться любви! счастливецъ, мои по-
цѣлуи
Сладко *ее* усыпятъ подъ шумомъ порывистымъ вѣтра;
Тихо пробудитъ *ее* съ предвѣстницей юнаго утра
Пламенный мой поцѣлуй!

LVIII.

РОМАНСЪ.

« Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я
Откуда ни кто не приходитъ! »

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
« Стыдись, восклицали, мечтатель - пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая! »

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ
Друзья какъ на пиръ полетѣли:
Я съ ними — но жребьи враждебные намъ
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ....
Брань стихла, гдѣ жь други? лежатъ на поляхъ,
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

LIX.

КЪ МАЛЬЧИКУ.

Мальчикъ, солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ въ концѣ пировъ!
Принеси же осторожно
И скорѣй изъ погребовъ:
Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
Какъ любила старина,
Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
Пережившаго вина.

Не забудь края златые
Плющемъ, розами увить!
Весело въ года сѣдые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье
Бахусомъ наполнивъ грудь,
Обмануть воображенье
И въ былое заглянуть.

LX.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ,
Но сердце было въ волѣ;
Я думала: весь бѣлый свѣтъ
Нашъ боръ, потокъ и поле.

Къ намъ юноша пришелъ въ село:
Кто онъ? отколь? не знаю —
Но все меня къ нему влекло,
Все мнѣ твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкругъ шеи обвивались,
Какъ макъ сіяетъ отъ росы,
Сіяли, разсыпались.

И взоры пламенны его
Мнѣ что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но ужь другъ друга знали.

Куда пойду — и онъ за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только онъ съ тоской
Безмолвно жалъ мнѣ руку.

«Что хочешь ты?» спросила я,
«Скажи, пастухъ унылой?
И съ жаромъ обнялъ онъ меня
И тихо назвалъ милой.

И мнѣ бъ тогда его обнять!
Но рукъ не поднимала,
На перси потупила взглядъ,
Краснѣла, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что жь ему сердиться?
Зачѣмъ покинулъ онъ меня?
И скоро ль возвратится?

LXI.

ПѢСНЯ.

«Дѣдушка!» дѣвицы
Разъ мнѣ говорили:
«Нѣтъ ли небылицы,
Иль старинной были?»

— Какъ не быть! — уныло,
Краснымъ отвѣчалъ я,
Сердце васъ любило:
Такъ чего не зналъ я!

Было время! гдѣ вы,
Годы золотые?
Какъ плѣняли дѣвы,
Въ ваши дни былые!

Ужь онѣ — старушки;
Но отъ нихъ, порою,
Много на подушки
Слезъ пролито мною.

Душу волновали
Ихъ уста и очи,
По огню бѣжали
Дни мои и ночи. —

«Дѣдушка,» толпою
Дѣвицы вскричали,
«Жаль намъ, а тобою
Бабушки играли!

Какъ не стыдно! злыя,
Вотъ надъ кѣмъ шутили!
Нѣтъ, мы не такія,
Мы бъ тебя любили!»

— Вы бъ любили? сказки!
Вѣры мнѣ неймется!
И на ваши ласки
Дѣдушка смѣется. —

LXII.

КЪ ДІОНУ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой рощи,
Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремится источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.

Мальчикъ, наполни фіалъ фалернскимъ виномъ искрометнымъ!
Въ честь вѣчноюному Вакху осушимъ мы дно золотое;
Въ чашѣ, обвитой вѣнкомъ, принеси дары щедрой Помоны,
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спѣшитъ удержать престарѣлаго
Хрона,
Проситъ, молитъ его: не внимая, онъ далѣе
мчится;
Маленькій только Эротъ смѣется, поетъ, и сѣ-
даго
За руку взявши, бѣжитъ.

Что намъ въ жизни сей краткой за тщетною сла-
вой гоняться,
Вѣчно въ трудахъ только жить, не видѣть веселій
до гроба? —
Боги для счастія намъ и веселія дни даровали,
Для наслажденій любви.

Пой, въ хороводѣ дѣвицъ бѣлогрудыхъ, пѣсни веселью,
Прыгай подъ звонкую флейту, сплетяся руками,
кружися
И твоя жизнь протечетъ, какъ быстро въ зеленой
долинѣ
Скачетъ и вьется ручей.

Другъ, за лавровый вѣнокъ не кланяйся гордымъ
Пританамъ.
Пусть за слѣпою богиней Лициній гоняется вѣчно,
Пусть и обниметъ ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратитъ отъ главы.

Что намъ богатства искать? имъ счастья себѣ не
прикупимъ:
Всѣхъ на одной ладіѣ, и бѣднаго Ира и Креза,
Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужаснаго
Стикса
Старый Харонъ отвезетъ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой
рощи,
Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремится
источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.

LXIII.

ЭЛЕГІЯ.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
Къ тебѣ тѣснились жить,
Когда еще я не пилъ слёзъ
Изъ чаши бытія:
Зачѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,
Къ тѣнямъ не отбылъ я!

Зачѣмъ вы начертались такъ
На памяти моей,
Единый молодости знакъ,
Вы, пѣсни прошлыхъ дней!
Я горько долы и лѣса
И милый взглядъ забылъ:
Зачѣмъ же ваши голоса
Мнѣ слухъ мой сохранилъ!

Не возвратите счастья мнѣ,
Хоть дышитъ въ васъ оно!
Съ нимъ, въ промелькнувшей старинѣ,
Простился я давно.
Не нарушайте жь, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшнаго: люблю
Не повторяйте ей!

LXIV.

КОНЕЦЪ ЗОЛОТАГО ВѢКА.

Идиллія.

Путешественникъ.

Нѣтъ, не въ Аркадіи я! Пастуха заунывную пѣсню
Слышать бы должно въ Египтѣ, иль Азіи средней, гдѣ рабство
Грустною пѣсней привыкло существенность тяжкую тѣшить.
Нѣтъ, я не въ области Реи! о боги веселья и счастья!

Можетъ ли въ сердцѣ, исполненномъ вами, найти-
ся начало
Звуку единому скорби мятежной, крику напа-
сти?
Гдѣ же и какъ, ты, Аркадскій пастухъ, воспѣвать
научился
Пѣсню, противную вашимъ богамъ, посылающимъ
радость?

Пастухъ.

Пѣсню, противную нашимъ богамъ! Путешествен-
никъ, правъ ты!
Точно, мы счастливы были, и боги любили счаст-
ливыхъ:
Я еще помню оное свѣтлое время! но счастье
(Послѣ узнали мы), гость на землѣ, а не житель
обычной.
Пѣсню же эту я выучилъ здѣсь: а съ нею впер-
вые
Мы услыхали и голосъ несчастья и бѣдныя дѣти,

Думали мы, отъ него земля развалится и солнце,
Свѣтлое солнце погаснетъ! Такъ первое горе ужасно!

Путешественникъ.

Боги, такъ вотъ гдѣ впослѣднее счастье у смертныхъ гостило!
Здѣсь его слѣдъ не пропалъ еще. Старецъ, пастухъ сей печальный
Былъ на проводахъ гостя, котораго тщетно искалъ я
Въ дивной Колхидѣ, въ странахъ Атлантидовъ, Гипербореевъ,
Даже у края земли, гдѣ обильное розами лѣто
Кратче зимы Африканской, гдѣ солнце съ весною проглянетъ,
Съ осенью въ море уходитъ, гдѣ люди на темную зиму
Сномъ непробуднымъ, въ звѣриныхъ укрывшись мѣхахъ, засыпаютъ.

Чѣмъ же, скажи мнѣ, пастухъ, вы прогнѣвали бога
Зевеса?
Горе раздѣлъ услаждаетъ; повѣдай мнѣ горькую
повѣсть
Пѣсни твоей заунывной? несчастье меня научило
Живо несчастью другихъ сострадать. Жестокіе
люди
Съ дѣтства гонятъ меня далеко отъ родимаго града.

Пастухъ.

Вѣчная ночь поглоти города! Изъ вашего града
Вышла бѣда и на бѣдную нашу Аркадію! сядемъ,
Здѣсь, на семъ берегѣ, противъ платана, котораго
вѣтви
Долгою тѣнью кроютъ рѣку и до насъ досягаютъ. —
Слушай же, пѣсня моя тебѣ показалась унылой?

Путешественникъ.

Грустной, какъ ночь!

Пастухъ.

А ее Амарилла прекрасная пѣла.
Юноша, къ намъ приходившій изъ города, эту пѣсню
Выучилъ пѣть Амариллу, и мы, незнакомые съ горемъ,
Звукамъ незнаемымъ весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внималъ? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старыхъ,
Радость подружекъ, любовь пастуховъ, была удивленье,
Рѣдкое Зевса твореніе, чудная дѣва, которой
Зависть не смѣла коснуться и злоба, зажмурясь, бѣжала.
Сами пастушки съ ней не равнялись и ей уступали
Первое мѣсто съ прекраснѣйшимъ юношей въ плясках вечернихъ:

Но хариты - богини живутъ съ красотой неразлучно:
И Амарилла всегда отклонялась отъ чести излишней.
Скромность въ замѣнъ предпочтенья любовь ото всѣхъ получала.
Старцы отъ радости плакали, ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцемъ замѣтитъ?
Кто изъ прекрасныхъ, младыхъ пастуховъ назовется счастливцемъ?
Выборъ упалъ не на нихъ! Клянуся богомъ Эротомъ,
Юноша, къ намъ приходившій изъ города, нѣжный Мелетій,
Сладкорѣчивый, какъ Эрмій, былъ Ѳебу красою подобенъ,
Голосомъ Пана искуснѣй! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали! мы не винили ее! мы въ забвеньи
Даже думали глядя на нихъ: «вотъ Арей и Киприда
Ходятъ по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ шлемѣ блестящемъ,

В мантіи пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
Сжатой камнем драгим на плечѣ бѣлоснѣжномъ. Она же
Въ легкой одеждѣ пастушки простой, но не кровь, а безсмертье
Видно неменѣе въ ней протекаетъ по членамъ нетлѣннымъ.»
Кто жь бы дерзнулъ и помыслить изъ насъ, что душой онъ коваренъ,
Что въ городахъ и образъ прекрасный и клятвы преступны.
Я былъ младенцемъ тогда. Бывало, обнявши руками
Бѣлыя, нѣжныя ноги Мелетія, смирно сижу я,
Слушая клятвы его Амариллѣ, ужасныя клятвы
Всѣми богами: любить Амариллу одну и съ нею
Жить неразлучно у нашихъ ручьевъ и на нашихъ долинахъ.
Клятвамъ свидѣтелемъ я былъ; Эротовымъ сладостнымъ тайнамъ

Гамадріады присутственны были. Но что жь? и
весны онъ
Съ нею не прожилъ, ушелъ невозвратно! Сердце
простое
Черной измѣны постичь не умѣло. Его Амарилла
День и другой и третій ждетъ, все напрасно! о
всемъ ей
Грустныя мысли приходятъ, кромѣ измѣны: не
вепрь ли
Какъ Адониса, его разтерзалъ; не раненъ ли въ спорѣ
Онъ за игру, всѣхъ ловче тяжелые круги метая?
« Въ городѣ, слышала я, обитаютъ болѣзни! онъ
боленъ! »
Утромъ четвертымъ вскричала она, обливаясь сле-
зами,
« Въ городъ къ нему побѣжимъ мой младенецъ! »
И сильно схватила
Руку мою и рванула и съ ней мы какъ вихрь по-
бѣжали.
Я не успѣлъ, мнѣ казалось, дохнуть и ужь городъ
предъ нами

*

Каменный, многообразный, съ садами, столпами открылся;
Такъ облака передъ завтрешней бурей на небѣ вечернемъ
Разные виды съ отливами красокъ чудесныхъ пріемлютъ.

Дива такого я и невидывалъ! Но удивленью
Было не время. Мы въ городъ вбѣжали и громкое пѣнье
Насъ поразило — мы стали. Видимъ: толпой передъ нами
Стройныя жены проходятъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, покрывалахъ.
Зеркало, чаши златыя, ларцы изъ кости слоновой
Женщины чинно за ними несутъ. А младыя рабыни
Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
Около блещутъ очами лукавыми въ пляскѣ веселой,
Скачутъ, кто съ бубномъ, кто съ тирсомъ, одна жь головою кудрявой

Длинную вазу несетъ и подъ пѣсню тарелками плещетъ.
Ахъ, путешественникъ добрый, что намъ рабыни сказали!
Стройныя жены вели изъ купальни младую супругу
Злаго Мелетія. — Сгибли желанья, изчезли надежды!
Долго въ толпу Амарилла смотрѣла и вдругъ зашатавшись
Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ и грудь безъ дыханья!
Слабый ребенокъ, не зналъ я, что дѣлать. Отъ мысли ужасной
(Страшной и нынѣ воспомнить): что болѣе нѣтъ Амариллы —
Я не плакалъ, а чувствовалъ: слезы, сгустившися въ камень
Жали внутри мнѣ глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь въ Амариллѣ къ несчастью ея пламенѣла:
Грудь у нея поднялась и забилась, лице загорѣлось

Темнымъ румянцемъ, глаза, на меня проглянувъ, помутились,
Вотъ и вскочила, вотъ побѣжала изъ города, будто
Гнали ее Эвмениды, суровыя дѣвы Айдеса!

Былъ ли младенецъ я въ силахъ догнать злополучную дѣву!
Нѣтъ .... Я нашелъ ужь ее въ сей рощѣ, за этой рѣкою,
Гдѣ искони возвышается жертвенникъ богу Эроту,
Гдѣ для священныхъ вѣнковъ и цвѣтникъ разведенъ благовонный,
(Встарь, четою счастливой!) и гдѣ ты не разъ, Амарилла,
Съ вѣрою сердца невиннаго, клятвамъ преступнымъ внимала.

Зевсъ милосердый! съ визгомъ какимъ и съ какою улыбкой
Въ рощѣ сей пѣсню она выводила! сколько съ корнями

Разныхъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ нарвала, и какъ быстро плела ихъ!
Скоро странный нарядъ изготовила. Цѣлыя вѣтви,
Розами пышно облитыя, словно роги торчали
Дико изъ вязей вѣнка многоцвѣтнаго, чудноболь-шаго;
Плющь же широкій, цѣпями съ вѣнка по плечамъ и по персямъ
Длинный спадалъ и шумя по землѣ волочился за нею.
Такъ разодѣтая, важно, съ поступью Иры богини,
Къ хижинамъ нашимъ пошла Амарилла. Приходитъ; и что же?
Мать и отецъ ее не узнали; запѣла, и въ старыхъ
Трепетомъ новымъ забились сердца, предвѣщателемъ горя.
Смолкла—и въ хижину съ хохотомъ дикимъ вбѣжала, и съ видомъ
Грустнымъ стала просить удивленную матерь: «родная,
Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастлива, счастлива!»

Мать и отецъ, не понявъ, но услышавъ ее, зарыдали.
«Развѣ была ты когда несчастлива, дитя дорогое?»
Дряхлая мать, съ напряженіемъ слезы унявъ вопро-
сила.
«Другъ мой здоровъ! я невѣста! изъ города пыш-
наго выйдутъ
Стройныя жены, рѣзвыя дѣвы на встрѣчу невѣстѣ!
Тамъ, гдѣ онъ молвилъ впервые: *люблю*, Амарилѣ
пастушкѣ,
Тамъ, изъ подъ тѣни завѣтнаго древа, счастливица
вскрикну:
Здѣсь я, здѣсь я! Вы, стройныя жены, вы, рѣз-
выя дѣвы!
Пойте: Гименъ, Гименей! и ведите невѣсту въ
купальню.
Что жь не поете вы, что жь вы не пляшете!
Пойте, пляшите!»
Скорбные старцы, глядя на дочь, безъ движенья
сидѣли,
Словно мраморъ обильно обрызганный хладной ро-
сою.

Еслибъ не дочь, но иную пастушку привелъ Жизнедавецъ
Видѣть и слышать такой, пораженной небесною карой,
То и тогда бъ превратились злосчастные въ томностенящій,
Слезный источникъ — нынѣ жъ, тихо склоняся другъ къ другу
Сномъ послѣднимъ заснули они. Амарилла запѣла,
Гордымъ взоромъ нарядъ свой окинувъ и къ древу свиданья,
Къ древу любви измѣнившей пошла. Пастухи и пастушки,
Пѣсней ея привлеченные, весело, шумно сбѣжались,
Съ нѣжною ласкою къ ней ненаглядной, любимой подругѣ.
Но — нарядъ ея, голосъ и взглядъ... Пастухи и пастушки
Робко назадъ отшатнулись и молча въ кусты разбѣжались.

Бѣдная наша Аркадія! Ты ли тогда измѣнилась,
Наши ль глаза, въ первый разъ увидавшіе близко несчастье,
Мрачнымъ туманомъ подернулись? Вѣчно-зеленыя сѣни,
Воды кристальныя, всѣ красоты твои страшно поблекли.
Дорого боги цѣнятъ дары свои! Намъ ужь не видѣть
Снова веселья! Если бъ и Рея съ милостью прежней
Къ намъ возвратилась, все было бъ напрасно! Веселье и счастье
Схожи съ первой любовью. Смертный единажды въ жизни
Можетъ упиться ихъ полною, дѣвственной сладостью! Зналъ ты
Счастье, любовь и веселье? Такъ понялъ, и смолкнемъ объ ономъ.

Страшно поющая дѣва стояла уже у платана,
Плющъ и цвѣты съ наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася съ брега,

Смѣло за прутъ молодой ухватившись, что бъ цѣпью цвѣточной
Эту вѣтвь обвязать, до насъ достающую тѣнью,
Прутъ, затрещавъ, обломился и съ брега она полетѣла
Въ волны несчастныя. Нимфы ли водъ, красоту сожалѣя
Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,
Кругомъ широкимъ поверхность воды обхвативъ, не давало
Ей утонуть? не знаю, но долго, подобно Наядѣ,
Зримая только по грудь, Амарилла стремленьемъ неслася,
Пѣсню свою распѣвая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влагѣ рожденная древнимъ отцемъ Океаномъ.
Грустную пѣсню свою не окончивъ — она потонула.

Ахъ, путешественникъ, горько! ты плачешь! бѣги
же отсюда!
Въ земляхъ иныхъ ищи ты веселья и счастья!
Уже ли
Въ мірѣ ихъ нѣтъ, и отъ насъ, отъ послѣднихъ ихъ
позвали боги! —

ПРИМѢЧАНІЕ.

Читатели замѣтятъ въ концѣ сей идилліи близкое подражаніе Шекспирову описанію смерти Офеліи. Сочинитель, благоговѣя къ поэтическому дару великаго Британскаго трагика, радуется, что могъ повторить одно изъ прелестнѣйшихъ его созданій.

LXV.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ пѣвалъ безъ принужденья,
Какъ на вѣткѣ соловей,
Я живыя впечатлѣнья
Полной юности моей.
Счастливъ другомъ, милой дѣвы
Все искалъ душою я —
И любви моей напѣвы
Долго кликали тебя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Идилліи.

Пѣсни и романсы.

Сонеты.

Разныя Стихотворенія.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	стихъ	Напечатано:	Читай:
8	6	унего	у него
13	2	взглянулъ и промолвилъ	вздохнулъ и промолвилъ
36	5	вздохнулъ	вздрогнулъ
69	1	Вакхическихъ	вакхическихъ

Цѣна 10 рублей, съ пересылкою въ другіе города 11.

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept. — Oct. 1987
We're Quality Bound